

ЖУРНАЛИСТИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

УДК 070.14 + 341.9 + 327.56

В. М. Амиров

ЖУРНАЛИСТИКА ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Рассматриваются основные проблемы правового обеспечения работы журналистов в зонах военных конфликтов. Дается анализ трансформации правовых норм военной журналистики за длительный исторический период.

К л ю ч е в ы е с л о в а: журналистика, война, конфликт, военный корреспондент, цензура.

В российском законодательстве, несмотря на значительную работу, проделанную в последние годы, недостаточно полно разработана юридическая база, очерчивающая права и обязанности журналиста, работающего во фронтовой зоне. Причем такое положение закрепилось в нашей стране давно, еще в пору появления военной журналистики как особой репортерской специализации. Долгое время правовые аспекты деятельности журналистов на войне вообще имели только цензорские ограничения. Военная цензура, которой вменялся контроль за публикуемыми в печати материалами, была введена при Александре I, когда в 1810 г. при Инженерном и Артиллерийском департаментах появились должности цензоров в составе Ученых комитетов, а в 1812 г. деятельность цензоров получила регламентацию в Положении об учреждении Военного министерства [2]. Следующий документ, «Правила для военных корреспондентов, состоящих на театре войны» (далее — Правила), появился почти сто лет спустя, в 1912 г., и тоже адресовался скорее военным цензорам, чем журналистам:

АМИРОВ Валерий Михайлович — доктор филологических наук, доцент кафедры периодической печати Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: vestnik-va@mail.ru).

© Амиров В. М., 2013

он устанавливал требования аккредитации журналистов, которые приезжали освещать боевые действия. Среди этих требований есть и те, которые были бы вполне актуальными и сегодня. Например, репортер должен был представить паспорт, официально заверенную фотокарточку, свидетельство благонадежности от полиции и редакционное удостоверение. Кроме того, требовались два экземпляра газеты или журнала, с которыми сотрудничал журналист, прибывший для освещения боевых действий. Но и это не гарантировало разрешения на присутствие во фронтовой полосе. Воинский начальник, решивший, что присутствие корреспондента нежелательно, мог без объяснения причин потребовать его немедленного отбытия.

Интересен тот факт, что в России Правила появились несколько раньше, чем известная всем журналистам Женевская конвенция. Авторы этого основополагающего документа рассматривали военного журналиста как с точки зрения особенностей выполняемых им функций, так и с точки зрения статуса. «Военный корреспондент» — такой статус присваивался представителю прессы после тщательного изучения представленных им документов. «По просмотре этих документов корреспондент утверждается в звании военного корреспондента на театре войны», — написано в Правилах (п. 4). Эти же Правила очень четко и жестко регламентировали процесс отправки журналистами своих корреспонденций в редакции СМИ. Корреспондент был обязан представлять в цензурное отделение штаба главнокомандующего текст подготовленного материала в двух экземплярах, в также снимки до опубликования. Обязательным для военного корреспондента стало, согласно Правилам, ношение специальной повязки, выделявшей его из всех гражданских лиц, каковых на фронтах было предостаточно. Без разрешения цензурного отделения передвижение корреспондентов из части в часть категорически запрещалось. Положение предписывало журналисту, претендующему на работу при штабе, иметь «безупречную верноподданническую репутацию» и «полную политическую благонадежность».

Фактически Правила, учитывая малочисленность тогдашнего корпуса военных журналистов, позволяли установить полный контроль за их деятельностью. Эта традиция получила логическое продолжение в следующем регламентирующем документе, принятом в разгар Первой мировой войны, — «Правилах для русских и иностранных корреспондентов, допущенных в действующую армию» (1914). Новые Правила подтверждали уже введенные ранее ограничения, несколько конкретизируя их. Так, например, на повязке предлагалось нашить буквы «ВК» (военный корреспондент) или «ВФ» (военный фотограф). Журналистам, допущенным к пребыванию на фронте, выдавалось специальное удостоверение Генштаба, они давали письменное обязательство «не писать ни в настоящем, ни в будущем ничего могущего быть использованным нашими противниками во вред нашей армии; все свои записки, заметки, фотографии, чертежи, рисунки, художественные эскизы и тому подобные собранные ими во время поездки материалы, касающиеся действий наших войск или войск противника или вообще касающиеся вопросов, имеющих военный характер, они обязаны представить по окончании объездов в просмотр в управление генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем через состоящего при

корреспондентах штаб-офицера Генерального штаба» (§ 7). Все это касалось и иностранных корреспондентов, которые представляли подготовленные для публикации материалы на одном из трех языков: русском, английском или французском.

После Октябрьской революции большевистское правительство, установившее практически полный контроль над газетами и рассматривавшее печать в качестве «колесика и винтика единого партийного механизма» [1, 100], уже в июне 1918 г. приняло крайне жесткий по своим требованиям регламентирующий документ, касающийся работы военных корреспондентов, — Положение о военной цензуре газет, журналов и всех произведений печати повременной с приложением Перечня сведений, подлежащих предварительному просмотру военной цензурой [3].

Этот шаг был обусловлен крайне тяжелой ситуацией на фронтах и необходимостью идеологически противостоять врагам советской власти. Этим же мотивировалось создание мощных органов военной цензуры, функции которой в какое-то время даже передавались ВЧК. Непрерывно расширяя свои полномочия, органы военной цензуры прошли большой путь — от военно-цензурного отделения при оперативном отделе Народного комиссариата по военным делам и отдела военной цензуры (центральный военно-цензурный отдел) Регистрационного управления Полевого штаба РКСР (декабрь 1918 г. — октябрь 1919 г.) до Управления военной цензуры Генерального штаба ВС (1990 г.), контролируя в том числе и все публикации с фронтов во время войн, которые вела страна.

Но если цензура непрерывно усиливалась, развивая «запретительный» аспект деятельности фронтовой журналистики, то о правах журналистов и особенно о проблеме их защиты при выполнении профессиональных задач речи не шло. Единственным документом, обращенным к журналистике вооруженных конфликтов, можно, с некоторой натяжкой, считать знаменитую речь Л. Троцкого «Задачи военной печати». Однако и здесь говорилось скорее об идеологических концептах, чем о правовом регламенте: «...наши военные газеты, в меру своих сил и средств, технических, политических и всяких других, должны быть орудиями умелой пропаганды ленинизма в армии» [7].

Отсутствие правовых актов, более или менее четко очерчивающих права и обязанности журналистов, работающих на линии фронта, можно объяснить несколькими обстоятельствами. Во-первых, общей установкой на «революционную целесообразность», заполнявшей пустоты в правовом поле молодой власти. Во-вторых, отсутствием запроса на объективную информацию. Журналисту, работающему в рамках коммунистической партийной идеи, вряд ли нужны специальные документы и правовые гарантии: среди «своих» он — свой, среди «чужих» — чужой.

Возможно, поэтому следующий значительный документ, на который должны были ориентироваться редакции, появился только в 1942 г., — это было положение Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Главного политического управления Красной армии «О работе военных корреспондентов». Оно резко ограничивало число средств массовой информации, которым разре-

шалось командировать своих журналистов на линию фронта. В положении, в частности, говорилось о том, что «право иметь постоянных корреспондентов на фронте предоставляется: Совинформбюро, ТАСС, Всесоюзному радиокомитету, редакциям газет: “Правда”, “Известия”, “Красная Звезда”, “Красный флот”, “Сталинский сокол”, “Комсомольская правда”. Республиканским и областным газетам разрешается иметь своих корреспондентов на фронте только в том случае, если военные действия происходят на территории данной республики или области» [4]. Все постоянные военные корреспонденты зачислялись в штат Красной армии (или Военно-морского флота).

При этом положение не накладывало никаких численных ограничений на корреспондентов, представлявших многочисленные войсковые СМИ. Их количество ограничивалось только штатной численностью, а передвижения — решением соответствующих воинских начальников и складывавшейся оперативной обстановкой.

Всем военным корреспондентам ставилась задача «показ людей фронта — бойцов и командиров Красной армии (Военно-морского флота), хорошо владеющих военной техникой и тактикой ведения боя, их инициативы, военной сметки и хитрости в борьбе с врагами, их ненависти к немецко-фашистским захватчикам, стойкости, самоотверженности и дисциплины в выполнении приказов командования» [4]. Кроме того, военный журналист должен был «быть готовым в любую минуту к участию в бою, если этого потребует сложившаяся обстановка» [Там же].

Аналогичная модель освещения военного конфликта была реализована во время войны в Афганистане, где более или менее полную картину могли дать только журналисты-комбатанты, работавшие в газетах, непосредственно выходящих на территории республики и предназначенных для личного состава ограниченного контингента советских войск. Для всех остальных журналистов действовали многочисленные ограничения, сведенные в специальный регламентирующий документ — Перечень сведений, разрешаемых к открытому опубликованию, относительно действий ограниченного контингента советских войск на территории ДРА (в соответствии с постановлением ЦК КПСС № П 206/2 от 7.06.85 г.). О том, насколько серьезными были эти ограничения, свидетельствует, например, разрешение показывать «отдельные единичные факты (не более одного в месяц) ранений или гибели советских военнослужащих при исполнении воинского долга, отражении нападения мятежников, выполнения заданий, связанных с оказанием интернациональной помощи афганскому народу» или рассказывать «о действиях небольших советских воинских подразделений по отражению нападения на них и охраняемые ими объекты, по оказанию помощи афганским войскам в разгроме бандформирований и защите населения ДРА». Перечень категорически запрещал показ любых действий советских войск масштабом более роты [5].

Важным аспектом Перечня стало прямое требование к журналистам «продолжать широкую публикацию контрпропагандистских материалов советских и иностранных авторов, разоблачающих фальсификацию западных средств информации» [5]. Разрешение публикаций в центральных, областных газетах

и газетах военных округов мало изменило ситуацию, поскольку журналисты были в принципе лишены возможности лично прибыть на территорию Афганистана и подготовить публикацию. По этим же причинам полностью выпали из фокуса внимания прессы до- и постафганские боевые конфликты, в которых активно и в большом числе участвовали военнослужащие из Советского Союза. Корейская война, война во Вьетнаме, военные конфликты на Ближнем Востоке, в Анголе, Сомали, Эфиопии и многих других горячих точках планеты — обо всем этом советские граждане узнали только в конце 80-х [6].

Таким образом, можно констатировать, что в отличие от дореволюционного периода освещение хода боевых действий на советском этапе развития фронтовой журналистики целиком и полностью возлагалось на журналистов-комбатантов, совмещавших журналистскую функцию с сугубо военной и действовавших в соответствии с идеологическими установками вышестоящего командования и органов партийной власти. Это принципиальным образом изменило стратегию формирования данного направления журналистики, законсервировало развитие журналистики вооруженных конфликтов на многие десятилетия, выключило из нее гражданские СМИ, заставило миллионы читателей смотреть на войны и конфликты сквозь идеологические клише.

Ситуация начала принципиально меняться только в конце 80-х гг. прошлого столетия, когда в результате ряда политико-экономических преобразований рухнула партийная монополия на массовую информацию и в стране были заложены основы для возрождения негосударственной печати, а сами СМИ стали бизнесом. Вынужденные существовать в рыночных условиях газеты стали искать наиболее привлекательные и востребованные у читателя темы и обратились в том числе и к фронтовой журналистике.

Конституция Российской Федерации и Закон «О средствах массовой информации»¹, принятые в 1991 г., коренным образом изменили правовой статус средств массовой информации, предоставив газетам и журналам практически неограниченные возможности по сбору и распространению информации. Отныне командировки на войну стали частью повседневной работы печатных СМИ.

Отметим здесь прежде всего те положения, которые касаются прав журналиста на получение информации в зонах вооруженных конфликтов. Статья 19 Всеобщей декларации прав человека и статья 29 Конституции Российской Федерации провозглашают право каждого человека свободно искать, получать, передавать, распространять информацию любым законным образом. Российское законодательство наделяет журналиста, работающего в чрезвычайной ситуации, определенными привилегиями, которые призваны гарантировать ему возможность осуществлять свою профессиональную деятельность. Так, например, ст. 47 Закона «О средствах массовой информации» прямо предоставляет журналистам право посещать специально охраняемые места аварий и катастроф. Журналисты должны быть допущены к работе в указанных местах даже в том

¹ Закон РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 (ред. от 09.02.2009 г.) «О средствах массовой информации».

случае, если каким-либо ведомственным нормативным актом запрещается допускать на такие территории «посторонних лиц», так как в соответствии с законом они «посторонними» не являются. На это, в частности, указала и работавшая до недавнего времени Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ в своем решении по заявлению телекомпании «Афонтово».

Законодательство России не определяет статуса фронтового журналиста или военного корреспондента, хотя необходимость этого явно назрела. Такой подход не дает возможности выделить функциональные особенности фронтового журналиста, поэтому более точным могло бы быть определение военного журналиста как *корреспондента, выполняющего редакционное задание или действующего в интересах СМИ, штатным сотрудником которого он не является, в зоне боевых действий, добывающего и интерпретирующего информацию с целью опубликования в СМИ в ситуации, когда его жизни и здоровью угрожает опасность*. Оговорка относительно того, что корреспондент не обязательно состоит в штате СМИ, выглядит актуальной, поскольку в последние годы многие журналисты работают для газет и журналов по контракту или являются «свободными перьями», «фрилансерами», «стрингерами»², самостоятельно добывающими информацию и фотоматериалы и предлагающими ее изданиям.

Подчеркнем, что правоохранительные органы государства, если они имеют хотя бы относительный контроль над территорией конфликта, не только не могут препятствовать работе военного корреспондента, но, напротив, обязаны обеспечить безопасность журналиста, которому Законом «О средствах массовой информации» гарантирована защита как лицу, исполняющему общественный долг.

Особо отметим правовые аспекты доступа журналиста к информации, получение которой, так или иначе, регламентируется подзаконными актами и должностными инструкциями. В зонах боевых действий этот вопрос имеет первоочередное значение, поскольку секретными объявляются едва ли не все документы и материалы, имеющие отношение к войскам. Случается, что журналистам отказывают в предоставлении тех или иных документов именно под предлогом их засекреченности. Между тем законодательство Российской Федерации достаточно четко определяет перечень сведений, составляющих тайну, регламентирует порядок ограничения доступа к служебным документам, формулирует принципы отнесенности документов к секретным. Кроме того, законом предусматривается ответственность, вплоть до уголовной, за незаконное засекречивание документов³. Список «запретного» определяется Перечнем сведений, отнесенных к государственной тайне⁴.

Законодательство не дает точного и однозначного ответа на вопрос, какие конкретно ограничения для работы журналиста возможны в местах боевых

² См., например: Романов Ю. Стрингеры // В конце недели. 2002. 19 апр.

³ Закон РФ от 21.07.1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» (с изменениями от 6 октября 1997 г.; 30 июня, 11 ноября 2003 г.; 29 июня, 22 августа 2004 г.; 1 декабря 2007 г.).

⁴ Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне (утвержден Указом Президента РФ от 13.11.1995 г. № 1203, с изменениями от 24 января 1998 г.; 6 июня, 10 сентября 2001 г.; 29 мая 2002 г.).

действий. Поэтому логичным будет предположить, что эти ограничения могут быть обусловлены лишь требованиями соблюдения личной безопасности журналиста и иных лиц.

Принципиальное значение для определения правового статуса журналиста и возможностей для его работы имеет Федеральный закон «О чрезвычайном положении» (от 30.05.2001 г., № 3-ФКЗ), который четко определяет предпосылки к объявлению в стране или отдельных ее регионах чрезвычайного положения, формулирует условия особого правового режима, и в том числе ограничения на передвижения граждан. Правоприменение этого закона исключительно важно для работы журналиста в зоне внутреннего конфликта. Хотя закон не содержит прямых указаний, ограничивающих работу журналистов, отдельные его положения позволяют должностным лицам на местах вводить дополнительные условия, затрудняющие журналистам выполнение их профессиональных обязанностей. Отметим для полноты картины, что в период Новейшей истории России чрезвычайное положение не вводилось президентом страны ни разу, даже в период проведения операции по восстановлению конституционного порядка на территории Чеченской Республики. Вместо этого использовался особый статус «контртеррористической операции», определяемой законодательством как «специальные мероприятия, призванные пресечь террористическую акцию, обеспечить безопасность физических лиц, обезвредить террористов, а также минимизировать последствия террористической акции»⁵, но в законе нет четкого определения ограничений, которые могут быть применены в отношении работы журналистов.

Кроме вышеперечисленных российских законодательных актов, большое значение для подготовки к работе в зоне боевых действий и непосредственного выполнения журналистских обязанностей во фронтовой полосе имеют следующие важнейшие документы: «Военная доктрина Российской Федерации» (утверждена Указом Президента Российской Федерации № 706 от 21.04.2000 г.), Закон «О статусе военнослужащих» (от 27.05.1998 г., № 76-ФЗ), Закон «Об обороне» (№ 61-ФЗ от 31.05.1996 г.), Закон «О милиции» (от 31.03.1999 г., № 68-ФЗ), Закон «О борьбе с терроризмом» (от 25.07.1998 г., № 130-ФЗ), Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ; с изменениями от 18 июля 1997 г., 21 июля 1998 г., 5 января, 30 декабря 1999 г.) и другие законодательные акты, которые прямо или косвенно влияют на практику работы журналиста в зоне экстремальной ситуации.

Правовое пространство, очерчиваемое современным законодательством Российской Федерации, дополняется рядом подзаконных актов и ведомственных инструкций, которые конкретизируют положения. Это различные положения о работе временных пресс-центров и требования к журналистам, ведущим фотосъемку на территории военных баз, требования к организации интервью с военнослужащими, участвующими в боевых действиях, и многое другое.

Кратко проанализировав современные российские правовые акты, регламентирующие работу военного корреспондента в зонах вооруженных конфлик-

⁵ Закон РФ «О борьбе с терроризмом». Ст. 3.

тов, можно утверждать, что сегодня они дают достаточные правовые основания для журналистской работы по тематике вооруженных конфликтов, в том числе и с выездом в зону боевых действий. Современные СМИ имеют достаточные правовые основания для того, чтобы организовывать работу своего корреспондента непосредственно во фронтовой полосе, собирать, обобщать, интерпретировать и публиковать добытую этим корреспондентом информацию в соответствии со своим видением причин и поводов для начала конфликта, объективно характеризуя и прогнозируя ситуацию, ход боевых действий и возможные их краткосрочные и долгосрочные последствия.

-
1. *Ленин В. И.* Партийная организация и партийная литература // Полн. собр. соч. 5-е изд., Т. 12. С. 100.
 2. *Макушин Л. М.* Цензурный режим и журналистика: от «чугунного» устава 1826 года до закона о печати 1865 г. : в 2 кн. Екатеринбург, 2009.
 3. *Молчанов Л. А.* Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.). М., 2002.
 4. О работе военных корреспондентов: Положение Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) и Главного политического управления Красной армии. 1942 г. [Электронный ресурс] // Журналист в горячей точке: составляющие профессионализма. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-545147.html?page=2> (дата обращения: 15.01.2013).
 5. Перечень сведений, разрешаемых к открытому опубликованию, относительно действий ограниченного контингента советских войск на территории ДРА (в соответствии с постановлением ЦК КПСС № П 206/2 7.06.1985 г.) [Электронный ресурс] : офиц. сайт Российского союза ветеранов Афганистана. URL: <http://www.rsva-ural.ru/library/mbook.php?id=268> (дата обращения: 4.01.2011).
 6. *Салмин Н. А.* Интернационализм в действии. Локальные войны и вооруженные конфликты с участием советского компонента: военного, военно-технического, экономического (1950–1989). Екатеринбург, 2001. Ч. 1.
 9. *Троцкий Л.* Задачи военной печати // Красная звезда. 1924. 11 мая.

Статья поступила в редакцию 14.12.2012 г.